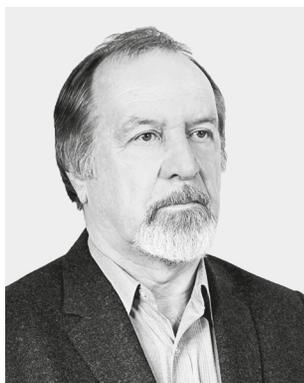

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ В СВЕТЕ ИДЕЙ Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО О СИНТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

И. Д. НЕВВАЖАЙ*

Невважай Игорь Дмитриевич,
д-р филос. наук, проф.,
Саратовская государственная
юридическая академия

В статье предпринята попытка сформулировать общую концепцию норм, сферами применения которой были бы различные нормативные системы, относящиеся к рациональному знанию, чувственности и практическим действиям этического и правового характера. Для достижения поставленной цели осуществлен феноменологический анализ норм, результатом которого является определение базовых генеративных структур, укорененных в интенциональных и респонсивных актах сознания и отвечающих за возникновение норм различного характера. Предлагается оригинальная классификация норм, основанная на различиях в отношениях субъекта к самому себе, к другому как объекту и к другому как субъекту, которые, соответственно, обозначаются как нормы «для себя», нормы «для других» и нормы «с другими». Разные нормы связаны с разными видами человеческой деятельности. Творчество — это процесс рождения субъекта знания как единства

сущего и должного. В процессе творчества человек генерирует нормы «для себя», а также генерирует себя в качестве нормативного бытия. В том случае, когда человек относится к другому как к объекту управления, регулирования, он вступает в область властных отношений (например, в случае командной власти, основанной на принуждении другого, и в случае власти авторитета, компетенции) и генерирует нормы «для других», чтобы «другие» осваивали и применяли их, следовали этим нормам. В коммуникативных актах агенты выступают как независимые индивиды, которые в коммуникативной деятельности на основе процессов эквивалентного обмена услугами рождают нормы «с другими», нормы, общие для всех агентов коммуникации. Предлагаемая классификация позволяет, во-первых, показать онтологическую фундированность трех концепций права (естественно-правовой, позитивистской и социологической, образующих систему координат современного понимания права), а во-вторых, увидеть общие черты процесса образования разнообразных норм и обосновать идею о существовании единой генеративной структуры человеческой нормативности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Л. И. Петражицкий, норма, знак, значение, интенциональность, респонсивность, классификация норм.

* Igor D. Nevvazhay — Dr. Sci. in Philosophy, Professor, Saratov State Law Academy.

E-mail: inewv@yandex.ru, filosof@sgap.ru

© Невважай И. Д., 2017

УДК 124.5

NEVAZHAY I. D. GENERAL THEORY OF LEGAL RULES IN THE LIGHT OF L. I. PETRAŻYCKI'S IDEAS ABOUT A SYNTHETIC THEORY OF LAW

In his article the author has made an attempt to formulate a general concept of norms which would be applied to various normative systems relating to rational knowledge, to sensuality and practical actions of ethical and legal character. To achieve this goal, it is necessary to carry out the phenomenological analysis of norms in order to define the basic generative structures implanted in intentional and responsive acts of the consciousness which are responsible for the emergence of norms of various character. The author proposes an original classification of norms based on distinctions in relations of a subject to itself, to the Other as an object, and to the Other as a subject. These relations are designated as norms "for itself", norms "for the other" and norms "with the other", respectively. Different norms are connected with different types of the human activity. Creativity is a process of an origin of a subject of knowledge as a unity of the real and the due. During creative processes a person generates norms "for itself" and generates himself/herself as a normative being. When the person relates to the Other as an object of management, regulation, he/she enters into the area of power relations (e. g. team power based on compulsion of the Other and in case of the authoritative power, competence) and generates norms "for the others" so that "others" learn, apply and follow these norms. Within communicative acts, agents are independent individuals who within their communicative activity based on the processes of an equivalent exchange of services give rise to the norms "with the others", norms common for all communicative agents. The proposed classification of norms enables, first, to show an ontological founding of three concepts of law (natural, positive and sociological ones) which form the paradigm of modern understanding of law; second, to see common features of the process of various norms formation and to justify the idea about the existence of a uniform generative structure of a human normativity.

KEYWORDS: L. I. Petrażycki, norm, sign, meaning, intentionality, responsiveness, classification of norms.

Методологические идеи Л. И. Петражицкого о построении синтетической теории права. В истории науки единые или общие теории строились таким образом, что частные теории должны являться частным случаем, выводимым как следствие из общей теории. Допустим, механика Ньютона может быть рассмотрена как частный случай теории относительности А. Эйнштейна. Это означает, что единая теория не является комбинацией частных теорий как аспектов самой единой теории. Иначе выражаясь, общая теория не состоит из совокупности частных теорий. Эти соображения, основанные на опыте развития естествознания в XX в., полностью совпадают с методологическими установками, которыми руководствовался Л. И. Петражицкий, стремясь определить пути и способы формирования синтетической теории права. Актуальным виделся синтез естественно-правовой и этатистской теорий права. Л. И. Петражицкий специально подчеркивал отличие синтетического принципа построения теории права от комбинаторного. Комбинаторный принцип означает суммирование, соединение признаков права, выделяемых в частных теориях права. Синтетический принцип требует формулировать более ши-

рокое понятие права¹, которое отражало бы более глубокий уровень бытия права. Л. И. Петражицкий предложил такого рода синтезирующее понятие. Важным обстоятельством, характеризующим обобщенное понятие права, является его способность обладать объяснительными, классификационными и эвристическими возможностями. Не входя в обсуждение предложенного Л. И. Петражицким обобщенного понятия права, остановлюсь на рассмотрении собственно его методологии построения общей теории права.

Можно обратить внимание на аналогичную ситуацию в другой исторически весьма развитой науке — в физике. Примеров единых теорий в этой науке совсем немного: теория относительности Эйнштейна, синтезировавшая механику и теорию электромагнитного поля, и релятивистская квантовая теория, объединившая теорию относительности и квантовую механику. При этом в физике остается довольно много теорий, которые остаются частными, специальными для некоторого круга явлений и не подлежат обобщению. Например, теория тепловых явлений не синтезируется с теорией электромагнетизма, теория сверхпроводимости — с термодинамикой. Теорий в физике много, среди них есть и фундаментальные, но нет общей или единой теории, которая объединяла бы с единых концептуальных позиций все существующие теории. Фундаментальная физическая теория, например, как квантовая теория поля отражает более глубокий онтологический уровень по сравнению с относительно частными теориями. Но это не значит, что все феномены менее глубокого уровня могут быть выведены из теории более глубокого уровня. Кроме того, когда говорят о теории элементарных частиц, то это скорее метафора, ибо какой-то одной теории здесь нет. Понятие фундаментальной физической теории и понятие единой теории материи — это разные понятия, и если первое имеет смысл, то второе скорее утопия. Методологически это означает, что синтетическая теория права в принципе не существует. Поэтому не надо искать или строить единую теорию права. Какой тогда смысл в немалых усилиях современных теоретиков права по поиску интегративной юриспруденции?

Прежде чем отвечать на поставленный вопрос, сделаю небольшой экскурс в историю философии. Аристотелевское учение о категориях говорит о том, что существуют предельно широкие роды бытия (категории), которые содержат в себе виды (менее общие понятия). В данном случае понятия соотносятся друг с другом как общее и частное. К категориям Аристотель относил субстанцию, качество, количество, отношение, действие, место, время и др. Обобщить категории в каком-то одном понятии нельзя. Поэтому если мы рассматриваем понятия, принадлежащие разным родам, то между ними также нельзя установить какого-то тождества. Таким образом, если существующие частные теории принадлежат одному роду и поэтому онтологически однородны, то они могут быть обобщены в какой-то единой теории. Если же существующие частные теории принад-

¹ *Петражицкий Л. И.* Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 308.

лежат разным родам и онтологиям, то тогда единой теории не построить. Можно, например, создать общую теорию позитивного права. Так, теория Г. Харта строилась как обобщение теорий таких предшественников, как Г. Кельзен и Дж. Остин.

Л. И. Петражицкий полагал, что синтетическая теория права должна относиться к онтологически более глубокому уровню. Но в свете вышесказанного возникает вопрос о том, не выходит ли такая теория за пределы компетенции вообще правовых теорий. Строго говоря, три фундаментальные юридические концепции — естественно-правовая, нормативистская и социологическая², — принадлежат разным онтологическим срезам действительности. Их нельзя называть правовыми теориями, потому что никакой единой теории естественного права нет, как нет и единой нормативистской или социологической теории права. Не случайно их чаще всего характеризуют как концепции или типы правопонимания³. Если разные концепции — это типы правопонимания, то можно рассмотреть типологию правопонимания, а значит, известные концепции или частные теории — это разные типы правопонимания, являющиеся результатом классификации понятия правопонимания, а не обобщенного понятия права. Л. И. Петражицкий считал, что необходимо найти такое обобщенное определение права, которое могло бы быть основой синтетической теории права. Мое мнение другое: рассматривать в качестве фундаментального не понятие права, а понятие нормы. Юридическая наука должна лишь специфицировать нормы правовые.

Наконец, почему обязательно надо строить общую теорию права, ведь есть другие формы генерализации научного знания: например, правовая картина мира или философская концепция права. Такой опыт накоплен в естественных науках. Почему бы им не воспользоваться? Как я постараюсь показать далее, философия права вполне могла бы сыграть роль обобщающей концепции права, рассматривающей различные теории права или даже научные концепции права с единых рациональных позиций.

Нормативность человеческого бытия. Люди являются нормативными существами. Они ориентируются на нормы и правила, в свете которых они оправдывают и критикуют события и действия. Еще с Античности термины *norma* и *regula* обозначают то, что позволяет различать правильное и неправильное. Философия Нового времени придерживалась представления о том, что человеческое знание и мышление существуют в пределах контекста, который осознается как правильный или неправильный. Соответственно, имела надежда, что можно при помощи концепции нормативности понять и объяснить различие между природой и культурой, царством необходимости и царством свободы.

Проблема нормативности человеческого бытия все еще остается открытой. До сих пор весьма распространена точка зрения, согласно которой

² См. об этом: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008.

³ См. об этом: *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012.

норма существует для того, чтобы в отношениях между людьми был устойчивый порядок; норма есть общий критерий, с которым должно соотноситься поведение людей. Например, юристы чаще всего так и смотрят на нормы — как на что-то сугубо инструментальное. С данной точки зрения нормы мыслятся как нечто внешнее и налагаемое на поведение сложившейся личности извне. Подобный взгляд на соотношение бытия человека и норм является, на мой взгляд, весьма поверхностным и механистичным. Я придерживаюсь другой позиции, согласно которой нормативность — это атрибут человеческого бытия, он имеет эндогенное, а не экзогенное происхождение.

Попытка сформулировать общую концепцию норм, сферами применения которой были бы различные нормативные системы, мотивирована тем соображением, что человек есть нормативное существо, которое отличается от всякого сущего тем, что создает, воспроизводит, изменяет и постоянно использует разнообразные правила и нормы. Существует огромное количество норм, которые работают в любой сфере человеческой культуры. Если нормы существуют всюду, то философ заинтересован в прояснении тех оснований, которые генерируют разнообразные нормы. Важно понять, существует ли что-то общее, инвариантное, имманентно содержащееся в каждой норме, или у моральных, правовых, технических, игровых и иных норм свои особенные источники.

Философский подход к исследованию норм может быть реализован по-разному. Но одними из важнейших способов я считаю построение системы норм и изучение их генезиса. Что касается систематизации, то мне представляется важным рассмотреть нормы не по сферам действия, а по сферам их генезиса: можно найти генеративные структуры сознания, своего рода протонормы, которые лежат в основе процессов нормообразования как в мышлении, так и в сфере восприятия и в практическом действии⁴.

В данной статье я рассмотрю три типа норм, определяемых отношением к субъекту: 1) нормы «для себя»; их субъект создает, чтобы самому следовать им; к таковым можно отнести кантовские законы свободы или законы морали; 2) нормы «с другими»; они создаются в процессе коммуникации индивидов, обмена между ними разнообразными услугами; 3) нормы «для других»; создаваемые суверенным субъектом для других, они не предназначены, вообще говоря, для самого создателя этих норм, он не обязан им следовать. Законы предназначены для внешнего регулирования поведения людей. Такого рода суверен создает правила игры, в которой участвуют другие, но не он сам. Это также означает, что создатель правил подчиняется в самом акте их создания другим правилам: чтобы создать правила игры в шахматы, нужно следовать правилам, не совпадающим с правилами игры в шахматы. Есть игра по созданию правил

⁴ *Неважай И. Д.* Как возможна общая теория норм? // Мир человека: нормативное измерение — 5. Постигание нормативности и нормативность познания: сб. трудов междунар. науч. конференции (Саратов, 12–14 июня 2017 г.). Саратов, 2017. С. 7–22.

другой игры. В том случае, если эти правила совпадают, мы имеем дело с правилами игры, с помощью которых создается сама эта игра. Прежде чем показать значимость предложенной классификации норм для юридической науки, я попытаюсь описать структуры сознания, генерирующие нормативность как таковую.

Интенциональность и респонсивность сознания. Современное исследование человеческого разума как законодательствующей инстанции не может не опираться на феноменологический анализ сознания, развитый еще Э. Гуссерлем. Интенциональность сознания — это факт, который необходимо учитывать при исследовании сознания. Мне представляется важным найти такую интерпретацию интенциональной способности сознания, в которой признавалось бы, что в интенциональном отношении соотносящиеся стороны — сознание и интенциональный предмет — не имеют собственного бытийного статуса. Я полагаю, что таким может быть отношение знака и значения, обозначающего и обозначаемого. Нет ни знака, ни значения самих по себе, они не обладают бытием отдельно друг от друга. Собственно сознание «как таковое» и есть отношение человека к миру, в котором любой фрагмент внешней реальности обладает значимостью, т. е. указывает на что-то иное, замещает и выражает собой это иное. Если понимать сознание как «акт различения»⁵, то оно должно анализироваться именно в базисном акте расщепления реальности на «постороннюю» и «потустороннюю», на «это» и «иное», когда «это» замещает собой «иное» и указывает на него. Одной из всеобщих форм бытия так понимаемого сознания является отношение знака и значения, в котором знак может выступать как «это» (или «иное»), а значение — как «иное» (или «это»). Если сознание «выключено», то реальность действует как сигнал, как стимул, побуждающий к какому-либо эмоциональному состоянию (например, тревоги или удовольствия) или действию (допустим, обороняться или бежать). «Включение» сознания означает не возникновение «второй субъективной реальности» в виде так называемого субъективного образа действительности, но изменение отношения к «данному» как соотносящемуся с «иным». Сознание как акт различения выражается тем, что данное в опыте отсылается к иному. Сознание расщепляет это данное на знак и значение, при этом в качестве легитимирующего основания данного может выступать раздельно или знак, или значение. Таким образом, с помощью представлений о знаке и значении мы можем дать семиотическую интерпретацию интенциональной способности сознания⁶.

⁵ См. об этом: *Молчанов В. И.* Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос: философско-литературный журнал. 1992. № 3. С. 7–36.

⁶ Данная интерпретация основана на исследованиях интенциональности в работах Дж. Сёрла и К.-О. Апеля: *Сёрл Дж.* Что такое интенциональное состояние? // Язык, истина, существование / сост. В. А. Суровцев. Томск, 2002. С. 92–100; *Апель К.-О.* Лингвистическое значение и интенциональность: соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики // Там же. С. 101–109.

Необходимо обратить внимание на то, что интенциональность — это не единственная фундаментальная способность сознания. Ряд феноменологов стремился выйти за пределы гуссерлевского толкования сознания только как интенционального акта. Ученик Э. Гуссерля Адольф Райнах ввел понятие респонсивности, или «ответности», для описания социальных актов⁷. Последние нацелены на соответствующие ответные действия агента коммуникации. Поэтому интенциональность, по Райнаху, содержит в себе также «ответность», предполагаемое отношение другого. Современный немецкий философ Б. Вальденфельс также развивает концепцию респонсивности сознания, но респонсивность у него дополняет, а не расширяет интенциональность⁸. Согласно Б. Вальденфельсу, термин «респонсивность» обозначает ситуацию, когда чужое сознание, или просто чужой, «пре-присутствует» в собственном сознании субъекта, который всегда отвечает на запрос, призыв чужого. Чуждость и ответ составляют единое целое, но таким образом, что «чужое» бросает нам вызов тем, что уклоняется от схватывания, и тем, что выходит за пределы нашего понимания.

Разъясняя смысл «чуждости», Б. Вальденфельс пишет, что с точки зрения собственника сознания чужая претензия не следует «нашим» правилам и поначалу не имеет смысла. «Чужое» дает о себе знать в форме выходящего за пределы устанавливаемого собственным разумом порядка. Оно прерывает общепринятые смысло- и правилообразования и пускает в ход новые. Мы сами изобретаем то, что мы отвечаем, но не то, на что мы отвечаем и что делает значимым нашу речь и наши поступки. Чужое притязание делает возможным иное видение, мышление и действие. Сознание своими актами может отвечать на некую «данность», реагировать на событие «вторжения чужого» в наше сознание, требуя ответа, требуя выразить вторгающуюся «данность». Анализ подобных актов связан с выяснением того, как объективная реальность (вещь, или «чужое» сознание) становится фактом нашего сознания.

Поиск выражения притязающей на собственное бытие внешней реальности осуществляется в актах распознавания и признания того, что нам «дано». Гуссерль ставил вопрос об актах выражения (*Ausdruck*) внутреннего содержания сознания, но, как считали его ученики, эта тема осталась в рамках его «эгологии» неразрешимой⁹. Невозможность редуцировать акт выражения к интенциональному акту заставляет рассматривать способность сознания, связанную с актом «выражения», отдельно как респонсивную способность.

Я придерживаюсь точки зрения, согласно которой описание сознания с помощью понятия интенциональности должно быть дополнено описанием его с помощью понятия респонсивности. Если интенция — это активность сознания, то респонсия — это его реактивность. Поиск выражения, притязающего на собственное бытие предмета внешнего мира,

⁷ Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001.

⁸ Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск, 1999.

⁹ См. об этом: Разеев Д. Н. В сетях феноменологии. СПб., 2004. С. 151.

осуществляется благодаря респонсивной способности сознания в процедуре распознавания и признания того, что же нам «дано». Это уже не процедура интерпретации знака, но акт, который я считаю оправданным называть «именованием», или «обозначением», поскольку он связан с поиском знака для данного значения или содержания. Благодаря данному имени предмет становится объектом мысли. Именование обеспечивает такую фундаментальную функцию знака, как функцию замещения. Когда на первом этапе познания мы хотим знать что-то о новом предмете, то спрашиваем прежде всего, как «он» называется. Найдя имя предмета, мы еще не обладаем развернутой информацией о самом предмете, но мы получили в форме имени средство, с помощью которого уже можно мыслить предмет, обладать им в своем сознании. Итак, в респонсивных актах знак используется в функции замещения и представления притязающего на выражение данного извне содержания.

Игра состояний «данного» как «означаемого» или «означающего» определяет динамику познавательного процесса. Интенциональным актом конституируется содержание «данного» с помощью интерпретации феномена как знака, в результате которой конструируется его предметное значение. Таким образом, интенция есть акт придания значения знаку. Здесь отношение между знаком и его значением условно, произвольно, субъективно, поскольку значение «приписывается» знаку. Если субъект относится к феномену как к значению, содержанию, то для узнавания или признания этого содержания необходимо найти знак, который выражал бы это значение. В данном случае ищется знак, имя, которое бы «адекватно» выразило обозначаемое содержание. Здесь «данное» оказывается найденным в самом значении, которое само себя показывает в «собственном» знаке. Сказанное соответствует тем трактовкам «данного», которые были предложены Ричардом Рорти. Он отмечал, что никакого непосредственно «данного» не существует. «Непосредственно данное» — это иллюзия наивного реализма или интуиционизма. «Данное» никогда нельзя рассматривать само по себе, как таковое, оно всегда существует или в форме найденного (*finding*), или в форме созданного (*making*)¹⁰. Соглашаясь с этим, я хотел бы обратить внимание на то, как в рамках описанной выше семиотической модели познавательного отношения работают смыслы «данного» как «найденного» и как «созданного». С одной стороны, человек *создает* значение с помощью процедуры интерпретации «данного» (по сути, *найденного*) имени, а с другой — он *создает* «правильное», или «собственное» имя, обозначающее некое «данное» (по сути, *найденное*) содержание. В первом случае «данное» в качестве «найденного» есть феномен-знак, а «данное» в качестве «созданного» есть содержание, или значение; во втором — «данное» в качестве «найденного» есть феномен-значение, а «данное» в качестве «созданного» есть знаковое выражение, имя этого значения. Но две формы «данного» не могут существовать совершенно независимо

¹⁰ Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / отв. ред. А. Рубцов. М., 1997. С. 11–44.

и безразлично к друг другу, иначе гносеологический субъект страдал бы шизофренией. Как было показано мною ранее, «найденное» легитимируется «созданным», и наоборот¹¹.

Познание есть процесс, происходящий в субъектно-объектной системе с положительной обратной связью. Последняя обеспечивается двумя взаимодополняющими субъективными актами: интенциональным и респонсивным. Для респонсивного сознания всякий предмет есть некое предзаданное предметное содержание, которое требует распознавания и выражения. Но в этом случае мы должны быть уверенными, что найденное нами выражение (текст) не является чисто субъективным, т. е. что оно адекватно содержанию и детерминировано им. Называя, например, видимый стол именем «стол» мы должны быть уверены, что дали имя, адекватное его содержанию. На чем же держится наша уверенность? Думаю, что вовсе не на том, что перед нашим взором «очевидно» находится стол. Мы поступаем в действительности иначе. Мы определяем понятие «стол», эксплицируя содержание данного понятия (т. е. даем интерпретацию имени), затем сопоставляем совокупность признаков стола (зафиксированных в определении понятия) с видимым предметом «стол» и подтверждаем (или нет) свою гипотезу о том, что нашли «правильное» имя. Таким образом, «правильность» выражения данного нам содержания зависит от «правильной» интерпретации имени (шире — текста), т. е. от интенциональной способности сознания. Именно таким способом данное как «найденное» легитимируется данным как «созданным» (и наоборот).

Как уже отмечалось, познавательная субъект-объектная модель является системой с обратной связью, которая обеспечивается двумя взаимосвязанными субъективными актами: интенциональным и респонсивным. Интенциональным актом определяется значение феномена-знака. Здесь отношение между знаком и его значением условно, произвольно, субъективно, поскольку значение «приписывается» знаку, но первичным и определяющим в этом отношении выступает знак. Респонсивность, напротив, есть способность сознания, отвечающая за поиск знаков, выражающих имеющееся содержание (феномен). Здесь связь знака и значения также является условной, но она определяется уже содержанием, или значением. В первом случае мы можем говорить о соответствии значения знаку, во втором — о соответствии знака значению. Эти два отношения соответствия не тождественны друг другу, но если они согласованы друг с другом, то мы имеем соответствие знака значению, соответствующему знаку, или соответствие значения знаку, который соответствует значению. Вследствие этого между знаком и значением образуется отношение, которое обладает свойством симметричности и рефлексивности, что является условием образования нормы.

Таким образом, важнейшим результатом предыдущего анализа структуры человеческой субъективности выступает положение о двойственной

¹¹ Невважай И. Д. Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 83–97.

природе сознания, выраженной в интенциональной и респонсивной способностях, которые реализуют себя в актах интерпретации и выражения, обеспечивающих конструирование значения некоего знака и нахождение знака, выражающего определенное значение. Далее я постараюсь показать, что представленная динамическая структура познания является структурой, генерирующей нормы человеческого бытия.

Семантическая концепция норм. Существует большое разнообразие точек зрения относительно понимания норм и правил. Правил существует много. Есть правила в логике, в праве, в языке, в спорте и т. д. Наряду с правилами мы говорим о существовании различных норм. Иногда нормы отождествляются с правилами, иногда нет. Нормы, регулирующие согласованные действия людей в процессе игры, называются обычно правилами. В работах ученых-юристов, придерживающихся позитивистской концепции права, правило совпадает с диспозицией нормы и не охватывает ее гипотезу и санкцию.

Мой подход к пониманию норм основан на рассмотрении семиотики познания¹². Аналогичный подход был предложен в работах К. Глюер и Ф. Викфорс, посвященных лингвистической нормативности¹³. Они различают две формы нормативности: в одном — значение определяет норму, правило, а в другом — нормы, правила первичны, а значение вторично. Эти авторы связывают нормы с правилом как лингвистическим выражением значения. Мой подход принципиально иной, так как в нем предлагается версия возникновения самой нормы.

Ранее в книге «Свобода и знание», анализируя процесс возникновения измерительных эталонов в области естественных наук, я показал, что эталон имеет символическую функцию, благодаря которой мы связываем измеряемую величину с формой ее представления. Приведу простые иллюстрации. Допустим, что измеряемая величина — это стоимость товара. Исторически сложилось так, что его стоимость выражается в некотором количестве монет. Эталон — в данном случае это деньги — символически связывает стоимость товара и количество монет. Далее, время измеряется числом движений (колебательных) в часах, и поэтому всякий эталон в данном случае связывает символически время и количество колебательных движений. Или, допустим, вес предметов измеряется с помощью эталонов, которые выражают измеряемую величину посредством величины своего объема (количеством гирек на весах). Эталон есть предмет, процесс, который своей репрезентативной формой (в вышеприведенных примерах это количество монет, число колебаний, размер объема) символически выражает величину измеряемого свойства. Эталон есть предметная норма — фиксированное символическое отношение между измеряемой величиной и ее выражением, репрезентативной формой.

Обобщая сказанное, предлагаю в качестве гипотезы рассмотреть определение нормы как некой символической связи между обозначаемым

¹² Невважай И. Д. Свобода и знание. Саратов, 1995.

¹³ Glüer K., Wikforss Å. Against Content Normativity // Mind. 2009. N 118. P. 31–70.

и обозначающим, знаком и его предметным значением, между действительностью и ее репрезентативной формой¹⁴. Я бы назвал это определение скорее определением «протонормы» как базовой структуры, генерирующей нормы различных видов и в разных сферах человеческого бытия.

Общепринятое представление о нормах, которое можно встретить в энциклопедиях, выглядит следующим образом: норма есть установленный эталон, стандарт для оценки существующих и образец для создания новых объектов¹⁵. Из этого следует, что норма отличается, с одной стороны, от своего предметного воплощения, с другой — от фиксирующего ее нормативного высказывания, например юридического закона, математического или грамматического правила. Как эталонный объект, так и нормативное высказывание могут соответствовать норме, но не являются собственно нормой. Поэтому я считаю, что нормы следует отличать от нормативных предложений, которые я предлагаю называть правилами. В то же время нормы не существуют как нечто наличное в объективной действительности. Таким образом, норма связана с отношением высказывания, правила и реальности, что отражено в предложенном мною выше определении нормы.

Предлагаемое мной понимание нормы имеет достаточно общий характер и позволяет с единой точки зрения рассматривать нормативность мышления, чувственного восприятия (узнавания) и практического действия. Но в данной статье я уделю специальное внимание трактовке правовых норм.

Нормы «для себя» и концепция естественного права. Нормы «для себя» — это знание, которое, как мне представляется, имел в виду Сократ в своем этическом учении, когда говорил, что если человек знает, что такое хорошо и что такое плохо, то само это знание определяет этические поступки; человек знающий не творит зла. Что это за *знание* и как оно возможно? Очевидно, что это не знание информационного типа (о чем-то). Информация — это закодированное знание, и для него необходимо наличие различающихся знака и значения. Чем характеризуется это *знание* и отличается от знания-информации? Знание-информация есть знание «о», а есть знание непредметное, его можно назвать установкой сознания или убеждением. Например, если я исхожу из того, что все люди от природы не злонамеренны, то я отношусь к ним (кстати, и к себе) с доверием. Или если у меня есть представление о должном, то оно не является знанием «о» какой-либо предметной реальности, но является знанием о том, что я должен делать. Убеждение — это знание о том, каким я должен быть, что я могу, на что я могу надеяться, каковы в целом мои жизненные установки. Если эти убеждения являются нашими собственными, то я не буду действовать добровольно вопреки им.

¹⁴ *Невважай И. Д.* Что такое теория права с точки зрения философа, размышляющего о гуманитарном знании в контексте коммуникативной рациональности? // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 5. С. 81–93.

¹⁵ *Левин Г. Д.* Норма // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. М., 2009. С. 610–611.

Мне кажется, что Сократ имел в виду такого рода знание. Сократовское знание таково, что человек не может отделить себя от него. Что это значит? Мы отделяем свое бытие от знания в том случае, если это знание о предметном мире. Это знание не просто не о нас, но оно и не для нас. Если я могу варьировать содержание своих знаний так, что это не затрагивает мое бытие в мире, то это знание «внешнее». Если же изменение знания изменяет меня самого (я становлюсь другим), мое отношение к миру, то это знание не о том, что есть в мире, а о том, каков я, чему подчинена моя субъективность.

Такова природа норм так называемого естественного права в юридической науке. Сократовское понимание этического знания воплотилось в античной концепции естественного права. Как отмечал Аристотель, в правовых установлениях всех государств можно найти некую совокупность норм, которая «повсюду имеет одинаковую силу и не зависит от признания или непризнания» со стороны индивидов¹⁶. Естественно-правовые нормы определяют разум и поведение людей, они людьми не устанавливаются и поэтому не могут быть отменены. Дж. Локк, когда писал о естественном праве в работе «Два трактата о правлении», подчеркивал его специфику следующим образом: естественное состояние людей определяется как «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также *состояние равенства*, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого (курсив мой. — И. Н.)»¹⁷. Таким образом, нормы естественного права не созданы одними людьми для других или совместно с другими, а возникли в результате индивидуальной творческой деятельности, в которой рождается новый субъект вновь создаваемого права. Естественные права — это притязания индивидов, декларирующих свое право на новый общественный статус и признающих этот статус за другими.

Сегодня мы рассматриваем естественное право так же, как и всякое иное право, — как сотворенное человеком. Разница лишь в том, что естественные права человек создает для себя сам. Как это можно понять и в чем специфика норм «для себя» с точки зрения семиотического подхода?

Новый статус (и новое сознание) у человека появляется в процессе творчества, в процессе создания новых идей, новых смыслов и значений. Нормы «для себя» есть продукт такого творческого процесса. Кратко логика этого процесса такова¹⁸. Известное положение Маркса, что человек может существовать по меркам любого вида, наличествующего в мире, означает, что для человека ни одна из внешних мер бытия не является

¹⁶ Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 160.

¹⁷ Локк Дж. Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 263.

¹⁸ Невважай И. Д. Свобода и знание. Саратов, 1995. С. 134–148.

его собственной. Напротив, человеческое существование представляет собой универсальную меру бытия мира. Свобода как человеческий способ существования оказывается универсальной мерой понимания необходимости существования мира. Такая трактовка протагоровского изречения не означает, что человек как мера предшествует миру, что эта мера может быть произвольно навязана этому миру. Речь идет о том, что человек как мера рождается в мире вещей и явлений как их универсальная форма выражения и представления (подобно возникновению денег как всеобщей меры стоимости в товарном мире). Возможно это в силу существования человеческой свободы. Человек в своем существовании не ограничен ни мерой камня, ни мерой растения или животного, ни мерой пчелы, ни мерой архитектора, ни мерой класса или нации и т. д. В свободе заключена человеческая возможность не быть чем-то конкретно одним, но быть «всем сразу» и чем угодно. Источником такой возможности выступает творчество, связанное с рождением универсальной меры, не совпадающей с мерами вещей и явлений и не сводящейся к ним. Такая универсальная мера — не какой-то определенный вид человеческого бытия в мире (политик, архитектор, ремесленник и т. д.), а вид «неопределенный», каковым является человек знающий, разумный. В этом смысле творчество, поскольку оно связано с производством знания, представляет собой сферу, в которой рождается этот человек вообще, человек как универсальная мера бытия мира. Творческий акт есть уход от образцов, стандартов, правил, норм, данных извне. Но уход от наличных мер есть рождение новых, имманентно присущих рождающемуся бытию человека. Новообразование становится новой мерой мира.

В процессе творения человеком своего собственного бытия делается то, что делается именно им, только благодаря ему и в силу его собственной необходимости. Свою сущность творец не проявляет как нечто уже наличное, но скрытое, а создает своим актом творения. В свободном акте творения сущность и существование неразличимы, тождественны. Новое знание есть форма выражения бытия творца, но содержание этого знания совпадает с бытием творца как универсальной меры бытия внешнего мира. Мир как бы сотворен по мерке и образцу, возникшим в самом акте творения. Отсюда тождество обозначаемого и обозначающего, планов выражения и содержания.

Кант называл эти знания идеями, подчеркивая, что они не являются отражением какой-либо объективной реальности, но выполняют регулятивную функцию. Эти идеи творятся человеком как законы свободы (или законы морали).

Норма «для себя» — это норма долженствования, в которой неразделимы должное и сущее, обозначаемое и обозначающее.

Нормы «с другими» и социологическая концепция права. Социальная жизнь людей существует прежде всего в совместной деятельности и взаимных отношениях. Обратим внимание на отношения, основанные на коммуникации, в процессе которой происходит обмен действиями. Само понятие обмена предполагает некую эквивалентность действий. Еще

Аристотель обратил внимание на то, что в социальных отношениях между людьми всегда существует определенная эквивалентность. Например, когда применяется одинаковое лечение при одинаковой болезни, врач и пациент вступают в отношение эквивалентного обмена, которое основано на общем правиле компенсации ущерба: лечение есть компенсация ущерба, нанесенного здоровью болезнью. Больной притязает на выздоровление, а врач признает это притязание, прибегая к лечению и компенсируя ущерб. При этом лечение оценивается (измеряется) выздоровлением, т. е. полной компенсацией ущерба, а болезнь — применяемым лечением.

В исследованиях правовой жизни в первобытных культурах, проведенных Брониславом Малиновским, показано, что в основе возникновения правоотношений лежат множественные процессы эквивалентного обмена услугами и функциями, в которых складывается сложная система взаимных обязательств. Например, владелец лодки предоставляет место в ней для соседа по деревне, который в обмен на это обязан выделить хозяину лодки часть улова. Б. Малиновский замечает, что каждое действие как правило санкционируется «принципом взаимности»: «В каждом действии мы находим социальный дуализм: две стороны, обменивающиеся услугами и функциями, каждая из которых следит за тем, чтобы другая сторона в надлежащей мере выполняла свои обязанности и действовала добросовестно»¹⁹. Возникающие в сфере эквивалентных обменов правовые нормы регулируют объединяющие людей обязательства, и они отличаются от тех, которые покоятся только на силе обычая. В реализации обменов нет принуждения и насилия, поскольку в них каждый индивид реализует свои частные интересы. При этом каждый агент коммуникации осознает, что нарушение взаимных обязательств оборачивается против нарушителя тем, что он вытаскивается из сферы выгодного социального обмена. «По представлениям туземцев, вся система опирается на очень сложный механизм, который можно описать словами “сколько взял — столько дал”, и что в долговременной перспективе взаимные услуги уравниваются»²⁰. Требования правового закона отличаются от остальных правил тем, что они воспринимаются как обязанности одних и правомерные притязания других людей. Очень важно, что эти притязания санкционированы не только психологическими мотивами, но и определенным социальным механизмом. Взаимная зависимость людей, выражаемая в воспроизводимой сети взаимных услуг, а также в сочетании выдвигаемых участниками всей совокупности трансляций требований, становится существенной объединительной социальной силой. Другой образцовый пример эквивалентного обмена в социальных отношениях — древний закон талиона.

Вся социальная жизнь пронизана сетью эквивалентных обменов. И эквивалентность есть условие стабильности социальных связей. Я согласен с общей идеей Б. Малиновского, что люди без принуждения всту-

¹⁹ Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. М., 2004. С. 224.

²⁰ Там же. С. 231.

пают в отношения обмена, поскольку они уверены, что затраты или понесенный ущерб в конечном счете будут тем или иным способом возмещены. Трудовые затраты компенсируются выдачей зарплаты, на которую можно приобрести те или иные блага. Если кто-то преподносит дар другому, то признание этого дара находит выражение в форме благодарности за дар. Если человек что-то говорит другому, притязая на свое право что-то сообщать другим или командовать другими, а другие, если слушают и понимают, подчиняются этому человеку, то тем самым признаются соответствующие притязания. Книги писателя читаются, знания учителя усваиваются, приготовленная еда съедается и т. д. Вся социальная жизнь как взаимодействие индивидов держится на совокупности отношений равного обмена между притязанием и признанием. Конкретизация этого общего закона взаимности (или «принципа взаимности») выглядит как ряд различных эквивалентных социальных обменов, таких как ущерб — возмещение, преступление — наказание, говорение — понимание, болезнь — лечение, обещание — ожидание и т. д.

Еще раз хочу подчеркнуть, что коммуникация между индивидами возможна только в соответствии с принципом равенства, или эквивалентности. Иначе коммуникации нет, она разрушается. Если иметь в виду вышеприведенные примеры, то разрушение коммуникации означает, что больных не вылечивают, преступников не наказывают, говорящего не слышат, у учителя не учатся... Иными словами, без эквивалентных обменов притязаний и признаний не существует общей социальной жизни, в которой каждый имеет право быть субъектом притязаний.

Таким образом, социальное равенство состоит в возможности каждого члена общества обменивать свои услуги и функции на другие. В социальных обменах объектами являются не только вещи, но и действия. Определенное действие как форма репрезентации становится символическим выражением, мерой обмениваемых действий. Действием, которое могло бы быть всеобщим эквивалентом множества других действий, является речь (устная или письменная). Подобно тому как деньги стали всеобщим эквивалентом стоимости товаров, речевое действие есть своего рода «деньги», на которые могут обмениваться любые человеческие действия.

Таким образом, осмысление генезиса правовых норм требует анализа процесса развития отношений равенства в социальной коммуникации, в социальном обмене притязаний и признаний.

Реальные «работающие» нормы (то, что классики юриспруденции называли «живым правом») осуществляются в сфере социального обмена прав — притязаний и обязанностей — признаний. Когда правовая норма не предполагает указанного эквивалентного обмена, она воспринимается как насилие и разрушает органическое единство социума. Языковое, знаковое выражение содержания реальных субъектных притязаний и ожидания их признания есть вид правовых норм, которые соответствуют известной юридической социологической доктрине. Подчеркну, что природа правовых норм в социологической концепции права соответствует формуле «нормы «с другими»». Здесь нормы детерминируются содержанием, зна-

чением, а юридический текст — правило — выполняет функцию замещения и выражения содержания.

Нормы «для других» и нормативистская концепция права. Нормы «для других» создаются сувереном (свободным субъектом) для осуществления задач упорядочения, регулирования общественных отношений и действий членов социума. Суверен навязывает свою волю другим людям, считая, что он имеет на это право или даже что-то обязывает его это делать — заботиться о других и волеить за других. Подобного генезиса нормы возникают из текста («команды» Дж. Остина — родоначальника современного юридического позитивизма²¹). Словами формулируются веления в виде правил. Интерпретация этих правил создает поле их значений, содержания требуемых действий. Разумеется, существование и реализация этих норм предполагают в случае неподчинения допустимое насилие, право на которое имеет только суверен. Развитие юридического позитивизма в XX в. не меняет понимания сущности нормативности в работах Г. Кельзена и Г. Харта. Достаточно привести определение нормы права, даваемое Г. Кельзеном: «Конкретное действие получает свой специфически юридический смысл, свое собственное правовое значение в силу существования некоторой нормы, которая по содержанию соотносится с этим действием, наделяя его правовым значением, так что акт может быть истолкован согласно этой норме. Норма функционирует в качестве схемы истолкования. Другими словами: суждение, согласно которому совершенный в пространстве и времени акт человеческого поведения есть правовой (или противоправный) акт, представляет собой результат некоего специфического — а именно нормативного — истолкования... Норма, доставляющая акту значение правового (или противоправного) акта, сама создается посредством правового акта, который в свою очередь получает правовое значение от другой нормы»²². Видно, что в нормах «для других» знак определяет значение через процедуру интерпретации, или истолкования, как пишет Кельзен.

Приверженность юристов письменной форме имеет свою отрицательную черту, состоящую в так называемом правовом фетишизме, который на языке правоведения и называется нормативизмом. Правовой фетишизм состоит в абсолютизации сформулированного на письменном языке правила как первичной и главной формы бытия правовой нормы. Если правовая норма отождествляется с писаным правилом, то это и есть фетишизм. Это все равно, что в экономической жизни исходить из того, что деньги сами по себе являются богатством, виртуально содержащим в себе многообразие реальных товаров и их стоимость. Юристы часто думают, что, написав некий текст и назвав его юридическим законом, мы все получаем правовую норму. Это распространенное заблуждение, игнорирующее то обстоятельство, что реальные работающие нормы осуществ-

²¹ *Austin J.* The Province of jurisprudence determined / ed. by W. Rumble. Cambridge, 1995. P. 21.

²² *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб., 2015. С. 13.

вляются в сфере социального обмена услугами. Когда правовая норма не предполагает указанного эквивалентного обмена, она воспринимается как насилие и разрушает органическое единство социума. Это единство может тогда обеспечиваться тотальным подчинением (не обязательно добровольным) членов общества воле суверена-государства (модель Т. Гоббса).

Разумеется, нормы «для других» существуют не только в сфере права. Здесь прежде всего необходимо указать на религиозную мораль, в которой декларируются моральные заповеди, данные людям богом (иудейским, христианским, мусульманским). Эти нормы требуют безусловного исполнения, в противном случае следует наказание со стороны суверена — создателя моральных норм. Другим примером могут быть технические нормы и игровые правила.

Заключение. В рамках предложенного общего подхода предпринята попытка описать природу норм и правовых норм, в частности. Предложена классификация норм, которая позволяет описать с единых теоретических позиций три главных правовые концепции: естественно-правовую, нормативистскую и социологическую.

Проведенное исследование семиогенеза норм позволяет сделать вывод о возможности общей теории норм, которая с единых концептуальных позиций позволяет понять природу и специфику многообразных норм, существующих в разных сферах мыслительной деятельности, чувственного отношения к миру и практики. С этих позиций у моральных, правовых и логических норм имеются общие основания в так называемых протонормах человеческой субъективности. Философская теория норм может быть рассмотрена как версия синтетической теории права.

Литература

- Апель К.-О.* Лингвистическое значение и интенциональность: соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики // Язык, истина, существование / сост. В. А. Суворцев. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2002. С. 101–109.
- Аристотель.* Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
- Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999. 176 с.
- Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
- Лапаева В. В.* Типы правового понимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.
- Левин Г. Д.* Норма // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 610–611.
- Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2008. 288 с.
- Локк Дж.* Соч. в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
- Малиновский Б.* Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 959 с.
- Молчанов В. И.* Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос: философско-литературный журнал. 1992. № 3. С. 7–36.

- Невважай И. Д.* Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 83–97.
- Невважай И. Д.* Как возможна общая теория норм? // Мир человека: нормативное измерение — 5. Постигание нормативности и нормативность познания: сб. трудов международной научной конференции (Саратов, 12–14 июня 2017 г.). Саратов: Изд-во СГЮА, 2017. С. 7–22.
- Невважай И. Д.* Свобода и знание. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 1995. 204 с.
- Невважай И. Д.* Что такое теория права с точки зрения философа, размышляющего о гуманитарном знании в контексте коммуникативной рациональности? // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 5. С. 81–93.
- Петражицкий Л. И.* Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 245–379.
- Разеев Д. Н.* В сетях феноменологии // Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 368 с.
- Райнах А.* Собр. соч. М.: ДИК, 2001. 409 с.
- Рорти Р.* Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / отв. ред. А. Рубцов. М.: Изд-во ИФ РАН, 1997. С. 11–44.
- Сёрл Дж.* Что такое интенциональное состояние? // Язык, истина, существование / сост. В. А. Суровцев. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2002. С. 92–100.
- Austin J.* The Province of jurisprudence determined / ed. by W. Rumble. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 233 p.
- Glüer K., Wikforss Å.* Against Content Normativity // Mind. 2009. N 118. P. 31–70.

References

- Apel K.-O. [Linguistic meaning and intentionality: the relationship of the a priority of consciousness in light of a transcendental semiotics or a linguistic pragmatics]. *Jazyk, istina, sushchestvovanie [Language, truth, existence]*. Ed. by V. A. Surovtsev. Tomsk, Publishing house of Tomsk state university, 2002, pp. 101–109. (In Russian)
- Aristotle. *Soch. v 4 t. [Works in 4 vols]*, vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 830 p. (In Russian)
- Austin J. *The Province of jurisprudence determined*. Ed. by W. Rumble. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 233 p.
- Glüer K., Wikforss Å. Against Content Normativity. *Mind*, 2009, no. 118, pp. 31–70.
- Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave [The Pure theory of law]*. 2nd ed. Transl. by M. V. Antonov and S. V. Lyozov. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 542 p. (In Russian)
- Lapaeva V. V. *Tipy pravoponimaniia: pravovaia teoriia i praktika [Understanding of law types: legal theory and practice]*. Moscow, Russian Academy of justice Publ., 2012. 580 p. (In Russian)
- Leist O. E. *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava [Essence of law. Theory and legal philosophy problems]*. Ed. by V. A. Tomsinov. Moscow: Zerstalo-M Publ., 2008. 288 p. (In Russian)
- Levin G. D. [Norma]. *Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]*. Ed. by I. T. Kasavin. Moscow, Canon+ Publ., 2009, pp. 610–611. (In Russian)
- Lock J. *Soch. v 3 t. [Works in 3 vols]*. Moscow, Mysl' Publ., 1988. Vol. 3. 668 p. (In Russian)

Malinovsky B. [Crime and custom in a society of savages]. Malinovsky B. *Izbrannoe: dinamika kul' tury* [Selected works: Dynamics of culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 959 p. (In Russian)

Molchanov V. I. Paradigmy soznaniia i struktury opyta [Paradigms of consciousness and structures of experience]. *Logos: filosofsko-literaturnyi zhurnal*, 1992, no. 3, pp. 7–36. (In Russian)

Nevvazhay I. D. [How is possible the general theory of norms?]. *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie — 5. Postizhenie normativnosti i normativnost' poznaniia: sb. trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Saratov, 12–14 iunია 2017 g.)* [Human World: Normative Dimension — 5. Comprehension of normativity and knowledge of normativity: Proceedings of the international conference (Saratov, on June 12–14, 2017)]. Saratov, SSLA Publ., 2017, pp. 7–22. (In Russian)

Nevvazhay I. D. Chto takoe teoriia prava s tochki zreniia filosofa, razmyshliaiushchego o gumanitarnom znaniі v kontekste kommunikativnoi ratsional' nosti? [What is a theory of law in the opinion of a philosopher reflecting about humanitarian knowledge in the context of the communicative rationality?]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2014, no. 5, pp. 81–93. (In Russian)

Nevvazhay I. D. *Svoboda i znanie* [Freedom and knowledge]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 1995. 204 p. (In Russian)

Nevvazhay I. D. Vzaimodopolnitel' nost' konstruktivizma i realizma v epistemologii [Complementarity of constructivism and realism in epistemology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2015, no. 1, pp. 83–97. (In Russian)

Petrażycki L. I. [Legal philosophy sketches]. Petrażycki L. I. *Teoriia i politika prava: izbr. trudy* [The theory and policy is right. Chosen works]. Ed. by E. V. Timoshina. St. Petersburg, Legal book Publ., 2010, pp. 245–379. (In Russian)

Razeev D. N. [In phenomenology networks]. Husserl E. *Osnovnye problemy fenomenologii* [Main problems of phenomenology]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University, 2004. 368 p. (In Russian)

Reinach A. *Sobr. soch.* [Collected works]. Moscow, DIK Publ., 2001. 409 p. (In Russian)

Rorty R. [Relativism: finding and making]. *Filosofskii pragmatizm Richarda Rorti i rossiiskii kontekst* [Richard Rorty's Philosophical pragmatism and the Russian context]. Ed. by A. Rubtsov. Moscow, IP RAS Publ., 1997, pp. 11–44. (In Russian)

Searl J. [What is an intentional state?]. *Iazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, truth, existence]. Ed. by V. A. Surovtsev. Tomsk, Publishing house of Tomsk state university, 2002, pp. 92–100. (In Russian)

Waldenfels B. *Motiv chuzhogo* [Reason of Another]. Minsk, Propilei Publ., 1999. 176 p. (In Russian)